

УДК 39:306.622:115

doi 10.17072/2219-3111-2019-1-101-113

АНОНИМНАЯ ЖИЗНЬ, АНОНИМНАЯ СМЕРТЬ, АНОНИМНЫЕ ВЕЩИ: О БЛОШИНОМ РЫНКЕ И ВТОРИЧНОЙ МАТЕРИАЛЬНОСТИ

И. В. Нарский

Южно-Уральский государственный национальный исследовательский университет, Челябинск 454080,
пр. Ленина 76
inarsky@mail.ru

Представлен эскиз исследовательского проекта, который посвящен европейским блошиным рынкам. В нем очерчены история и причины их появления в ФРГ. Показаны материальные, социальные и культурные функции блошиных рынков, которые привлекают пеструю публику: стариков и молодых людей, мужчин и женщин, профессоров и студентов, антикваров и старьевщиков, богатых и бедных, коренных жителей и мигрантов. Объясняется, почему блошинные рынки завораживают одних и отпугивают других. Кратко описываются специфические правила коммуникации и поведения на блошином рынке. Он рассматривается как объект этнологического изыскания, с помощью которого можно из неожиданной перспективы посмотреть на общество и многое узнать о нем. Специфика статьи и исследовательского проекта состоит в использовании метода включенного наблюдения, т.е. собственного опыта знакомства с блошиным рынком и личного общения с его обитателями – продавцами и покупателями. Полученный материал позволяет разобраться в обстоятельствах жизни и неожиданной смерти одного из завсегдатаев блошиного рынка, с которым автора связывали добрые отношения. Этот мотив превращает научную статью почти в детективную историю, хотя детектив и остается без развязки.

Ключевые слова: блошинный рынок, реликвия, место памяти, хронотоп, обращение с прошлым.

Погожим воскресным утром 29 апреля 2018 г. я еду на работу. Университет Людвиг-Максимилиана недалеко. Через четверть часа, проехав на велосипеде сонными улицами и миновав гулкие коридоры, я вхожу в свой кабинет. Хорошо, что улицы пустынные и в университете ни души. Я решил на шаг, который требует душевного равновесия, сосредоточенности и уединения. Не хотелось бы, чтобы кто-то отвлек меня разговором или хотя бы приветствием.

Я сажусь за рабочий стол, нахожу в записной книжке айфона внесенный туда накануне телефонный номер, включаю диктофон, кладу его рядом со стационарным телефонным аппаратом, переключаю телефон на громкую связь и медленно набираю номер, по которому никогда не звонил. После нескольких долгих гудков звучит знакомый хорошо поставленный баритональный бас: «Добрый день! К сожалению, в настоящий момент я не доступен. После звукового сигнала оставьте свой номер телефона, я перезвоню. Большое спасибо за Ваш звонок. До свидания!»

Я кладу трубку, не дожидаясь звукового сигнала, прослушиваю сделанную запись, жду, когда перестанет колотиться сердце, запираю кабинет и спускаюсь вниз. Отъезжая от университета, я думаю: «Теперь пути назад нет. Теперь я должен это сделать».

***

То, что я должен сделать, – проект о блошиных рынках, вернее, об их обитателях и циркулирующих там предметах. Необычны в нем два момента. Во-первых, он литературный и этнологический по стилистике и методологии. Во-вторых, он для меня экзистенциально важен, я рассматриваю его как добровольную миссию, которую за меня никто не выполнит. Отсюда такой драматичный, почти детективный зачин. Однако обо всем по порядку.

С некоторых пор я стал страстным посетителем блошиных рынков тех городов и стран, в которые меня забрасывала судьба историка – преподавателя и исследователя. Несколько лет назад выяснилось, что эту страсть со мной разделяет моя жена. Наташа, как и я, не является коллекционером, но обладает острым глазом и хорошим вкусом, позволяющим в беспорядочных грудях старых вещей безошибочно найти то, что привлекает и меня, – мастерски выполненное ювелирное

украшение или безделушку начала XX в. либо, если повезет, XIX и даже XVIII столетия, старинные предметы быта и интерьера, а также добротные аксессуары 1950-х – 1960-х гг. – эпохи западного процветания и докитайского производства.

Очевидно, что старые вещи, попавшие на блошинный рынок, как правило, неизвестно откуда, чтобы исчезнуть в тот же день в неизвестном направлении вместе с неудачливым продавцом или удачливым покупателем, являются носителями историй – историй о том времени, когда они были произведены, и о тех людях, которые их произвели, ими владели и пользовались. Но истории эти, если речь не идет об уникальном, снабженном экспертным заключением предмете музейного уровня, как правило, остаются неизвестными, а сами вещи – анонимными.

Именно опыт блошиного рынка подсказал мне идею: придумать и рассказать истории невыдуманных, реальных вещей. Предметы стали бы поводом для рассказов, в которых исторический контекст соответствовал бы уровню научных знаний, а конкретные истории конкретных вещей – уровню развитости воображения автора. Однако самого главного для реализации такого проекта – фантазии и писательского дара – мне бы не хватило. По этому поводу у меня нет иллюзий.

***

Несколько лет назад я оказался в Мюнхене на целый год, чтобы написать книгу о советской хореографической самодеятельности [Нарский, 2018]. И довольно скоро я освоился с местным ландшафтом многочисленных блошинных рынков. Один из них я посещал чаще других, следствием чего стало несколько шапочных знакомств с его посетителями.

С одним из местных торговцев я общался теснее. Высокий, крепко сложенный мужчина лет семидесяти, с пронизательными светлыми глазами, большим рыхлым носом, несколько отрывистым, иногда словно бы лающим голосом и шапкой русых волос сразу же привлекал внимание и располагал к себе. Он предлагал интересные предметы старины и украшения, о которых готов был подробно и вдохновенно рассказывать, честно указывал на изъяны своих товаров, удивлял умеренными ценами и готовностью идти на щедрые уступки. Все звали его Манни.

Около его прилавка вечно толпились люди. Помимо интересующихся разложенным на продажу здесь были и те, кто показывал ему только что приобретенное у других торговцев с просьбой об экспертизе датировки, страны происхождения того или иного предмета, проверки пробы золота и подлинности драгоценных камней. Я ни разу не видел, чтобы он кому-нибудь отказал. Скоро я оказался среди его покупателей и просителей о консультации.

Была и третья группа: те, кто заходил к Манни по-дружески поболтать за чашкой кофе, послушать его бесконечные истории и насладиться его неисчерпаемым чувством юмора. В этот круг я не входил. Моя попытка установить личные отношения с ним оказалась неудачной по моей вине: я не знал правил коммуникации на блошином рынке. Люди общаются здесь на «ты», в случае желания познакомиться называют только имя. Не только большинство вещей на блошинных рынках анонимно, но и большинство посетителей.

Вместо того, чтобы воспользоваться общепринятым правилом, я протянул ему свою визитку, тем самым создав между нами непреодолимую дистанцию. К профессорам в Германии все еще относятся как к небожителям. С этого момента и года три он обращался ко мне не иначе как «господин профессор». В группу друзей-собеседников Манни я вступил лишь одной ногой, и мне уже никогда не стать его душевным собеседником: 29 апреля 2018 г., когда я впервые позвонил ему, мне было заведомо известно, что он не сможет ответить на мой звонок или перезвонить мне. На тот момент Манни уже почти два месяца не было в живых.

***

Мы познакомились с Манни 9 ноября 2014 г. Эту дату мне было нетрудно восстановить, поскольку накануне мы с Наташей вернулись из Инсбрука, где пару дней гостили у друзей. В день отъезда мы зашли к знакомому антиквару, и нам приглянулись старинные женские карманные золотые часы, цена на которые показалась нам завышенной. Мы решили обуздать азарт и набраться терпения до следующего дня, который обещал начаться с блошиного рынка близ Мюнхена.

В тот солнечный ноябрьский день Наташа присмотрела английский сервировочный прибор для подачи рыбных закусок. Цена была приемлемой. Я уже вынул стоевровую купюру для оплаты, но почему-то сунул ее в один из карманов куртки. И не сразу смог опять найти ее. Продащица долго наблюдала за моими судорожными телодвижениями и растущим волнением, а затем предложила занести деньги в другой раз. Именно в этот момент я нашел купюру и протянул ей. У нее не

оказалось сдачи. Это тоже одно из правил рынка: на него нужно приходиться с намеренной мелочью. Хочешь покупать дешево – готовься заранее.

И тут я впервые услышал это имя: «Манни, можешь разменять?» Женщина подвела нас к мужчине, который с готовностью разменял деньги, а затем улыбнулась: «Посмотрите, может, сдачу оставите у него?»

Так и получилось. Мы сразу увидели на маленькой демонстрационной витрине женские золотые часы эпохи модерн. Часы были исправны, но продавались дешевле золота, из которого был изготовлен их корпус (сто евро, или в четыре с лишним раза дешевле, чем у инсбрукского антиквара). Пока я обсуждал с продавцом достоинства и указанные им изъяны предмета торга, Наташа выудила из кучи неинтересной бижутерии явно серебряное позолоченное ожерелье рубежа XIX и XX вв. с многоцветными эмалью в виде двух соединенных в восьмерку подков – вероятно, крестьянское свадебное украшение. За него он хотел смехотворную цену – пять евро, поскольку в двух местах незначительные фрагменты эмали были утрачены. «И сколько мы Вам должны, если купим два предмета?» – деловито осведомился я, готовый к торгу, зная, что при покупке нескольких вещей цена снижается. Но Манни ответил мне как не умеющему считать малому дитяти: «Тогда это будет стоить сто пять евро». Действительно, снижать цену было уже некуда.

Пока мы торговались и расплачивались, рядом стояла какая-то женщина, которая тоже рассматривала товары на прилавке Манни и стала невольной свидетельницей нашей покупки. Когда мы отошли в сторону упаковать «трофеи», она что-то сказала ему. Манни подошел к нам: «Эта женщина готова заплатить Вам за украшение двадцать пять евро». Я, не скрывая торжества по поводу приобретения, отказался, сославшись на то, что это находка жены. Манни отнесся к нашему решению с полным пониманием и одобрением.

Так мы стали частыми, а затем постоянными клиентами Манни. Я всегда соглашался с назначенной им ценой, а он называл мне цены на самом низком уровне, на «болевым пороге», на жаргоне немецкого блошиного рынка. Какие-то мелочи он дарил. За три с половиной года мы приобрели у него полторы дюжины предметов на круглую сумму, значительно крупнее той, что мы выложили другим торговцам на этом и других рынках и в антикварных магазинах различных городов и стран. И последнее из этих приобретений оказалось символическим, превратившись под грузом трагических событий в своего рода реликвию и место памяти.

***

В качестве реликвии может функционировать любой предмет, который не обязательно имеет потребительскую ценность, но непременно выступает в качестве «семиофора» [Pomian, 1993, S. 50], т.е. указывает на невидимый мир и тем самым обеспечивает его присутствие. Социальный смысл светских «реликвий» состоит в том, что «они делали присутствующим невидимый – прошедший или экзотический – мир и тем самым, подобно церковным реликвиям, повышали достоинство их обладателей» [Sellin, 1995, S. 58]. По такому же принципу функционирует место памяти, которое репрезентирует прошлое, т. е. делает его осязаемым в настоящем, материализует и локализует в конкретных предметах или пространствах.

Рождение и функции реликвий и мест памяти невозможно объяснить без учета специфики человеческой памяти. «В противоположность распространенному стереотипу отношения к хранящемуся в памяти прошлому как к тому, что прочно зафиксировано и потому неизменно, в действительности воспоминания податливы и гибки. То, что, казалось бы, уже свершилось, продолжает претерпевать постоянные изменения. Преувеличивая в памяти те или иные события, мы заново их интерпретируем в свете последующего опыта и сегодняшних потребностей» [Лоуэнталь, 2004, с. 325]. Именно этим, по крайней мере отчасти, объясняется, почему тот или иной предмет вдруг становится для индивида или социальной группы объектом, символизирующим важное и дорогое былое. Причем содержание прошлого, символизируемого одним и тем же предметом, может радикально меняться. Поэтому «все реликвии одновременно существуют и в прошлом, и в настоящем» [Лоуэнталь, 2004, с. 379]. О том, как драматично изменилось символическое наполнение одного предмета, приобретенного у Манни, сейчас и пойдет речь.

***

Коммуникационная дистанция между Манни и мною стала сокращаться осенью 2017 г., когда после годового перерыва я вновь оказался в Мюнхене, на этот раз для замещения должности университетского профессора. Однажды в октябре Манни мимоходом упомянул, что на днях ему

исполнится семьдесят пять лет и что эта дата его беспокоит своей солидностью. Вот тогда-то я и решил сделать ему подарок, который сможет стать поводом для разговора о новом проекте – о людях и вещах блошиного рынка.

Вскоре после знакомства с Манни я задумался о книге о блошином рынке как месте встречи людей и вещей, специфического обращения с прошлым, альтернативной коммуникации и как причудливом отражении состояния общества. Манни мог бы выступить «лоцманом» по рынку старых, странных и старинных предметов с его подводными камнями и течениями.

Нужно было только объяснить ему, чего я хочу, а я и сам еще толком не представлял себе, что это может быть. Самым простым в этой ситуации было подарить ему мою книгу, которая обнажала бы стилистику и методику будущего проекта. Такая книга у меня была [Narskij, 2013], и будущая тоже должна была в значительной степени строиться на интервью и быть экспериментом на стыке науки и беллетристики. С двухнедельным опозданием, в ноябре, я подарил ему книгу с дарственной, в которой поблагодарил за многое, чему я у него за эти годы научился, и выразил надежду на продолжение знакомства и учебы. И рассказал о проекте.

Манни откликнулся с энтузиазмом, обещал всяческую помощь, вызвался свести с людьми и рассказать о многих тайнах и хитростях жизнедеятельности блошиного рынка. В течение нескольких недель он показывал посетителям подаренную книгу, рассказывал, что скоро мы будем писать новую, в шутку вербовал коллег в проект. Он начал читать книгу, но дальше первых страниц не продвинулся. «Руки не доходят», – сетовал он.

Месяцем позже, после пары удачных покупок у Манни, я, наконец, настоял на отказе от обращения ко мне «господин профессор» в пользу имени. С этого времени мы стали общаться без повода, за чашкой кофе, принесенной им или мною из местного кафе. Мне это общение доставляло удовольствие. Кажется, симпатия была взаимной.

***

2 марта 2018 г. я совершил у Манни одну из самых дорогих покупок. За месяц до этого на его демонстрационной витрине появилось новое украшение: старинное, произведенное около 1890 г., массивное золотое кольцо венской работы, украшенное изящной резьбой и крупным южноафриканским алмазом размером в три четверти карата. Я даже не взял его в руки и не примерил, когда услышал от Манни цену, предупредительно сообщенную мне в ответ на мое внимание к этому предмету.

В течение месяца я наблюдал интерес посетителей к кольцу: многие рассматривали его, расспрашивали о нем, брали в руки, примеряли. И возвращали: либо не устраивала цена, либо размер, либо и то и другое. Манни продолжал с энтузиазмом рассказывать о своем сокровище, но цену на пару сотен евро постепенно снизил. Он удивлялся и сетовал, что кольцо и за эти деньги не продается.

В последней декаде февраля в Москве выходила моя книга о советской танцевальной самодеятельности. А на подходе были сборник о советской культуре на немецком языке [Narskij, 2018] и новая монография со старым названием на итальянском о революционной повседневности на Урале [Narskij, 2018a]. В те дни в одном из телефонных разговоров с Наташей я осторожно сформулировал пожелание приобрести что-нибудь на память об этом необычном публикационном урожае и рассказал о кольце. Наташа меня энергично поддержала. В последнюю субботу февраля я собрался с духом и примерил кольцо. Оно село как влитое. Но я отложил покупку еще на неделю: к мысли о перспективе серьезно раскошелиться нужно было привыкнуть.

В конце следующей недели Манни, как всегда, прибыл на рынок в семь часов тридцать минут. По нему можно было сверять часы. Я не хотел мешать ему раскладывать товар и ограничился вопросом, не продано ли еще то кольцо, к покупке которого я, кажется, созрел. Манни радостно рассмеялся и дружески похлопал меня по плечу. Мы договорились, что я зайду к нему через полчаса.

В урочный час я стоял перед его прилавком. Как издавна повелось, по моей просьбе покупку предварял его подробный рассказ о предмете. Да, венская работа, высокопробное золото весом более десяти граммов. Южноафриканский алмаз очень качественно выполненной шлифовки «роза» (двадцать четыре грани), высокого уровня чистоты из добытых вскоре после открытия африканских копей в 1880-е г. Проба золота и подлинность камня были тут же продемонстрированы с помощью химических реактивов и специального прибора. Неизвестно, по чьему заказу было изготов-

лено кольцо, но заказчик, по мнению Манни, должен был быть весьма состоятельным человеком, чтобы позволить себе такую роскошь.

Он, в свою очередь, поинтересовался о поводе для покупки. День рождения? «Нет», – ответил я и объяснил мотив приобретения. Три книги? Манни поздравил меня и радостно улыбнулся: значит, скоро можно будет начать новую книгу, про блошинный рынок? «Да, – ответил я, – начнем в апреле».

Настал решающий момент: сколько стоит эта вещь? Манни задумался и после едва заметных колебаний назвал цену, весьма умеренную – значительно ниже названной неделей раньше коллега-торговцу и постоянной покупательнице и в два раза ниже стоимости материалов, из которых было изготовлено ювелирное изделие. «Нет, – возразил я, – ты получишь столько, сколько ожидал за неделю до того от потенциальных покупателей». «Ну, Игорь, тогда я перед сном буду молиться за тебя», – как всегда тут же отреагировал шуткой Манни. Я протянул ему деньги. Поколебавшись мгновение, он вернул часть их – половину разницы между его и моей предложенными суммами. «Нет, Игорь, я так не могу. Ты подарил мне такую книгу и вообще... Правда, я ее еще не прочитал. Но я не из тех, кто сдаётся. И я пенсионер – у меня полно свободного времени».

Так принято на блошином рынке: продавец и покупатель уступают друг другу, договариваясь примерно о средней сумме между названными. Особенность ситуации состояла в том, что покупатель предложил цену выше заявленной продавцом.

По совершении сделки Манни предложил мне сфотографировать его квитанцию о приобретении и поставке кольца, выписанную на аукционе: вещь дорогая, лучше иметь сопроводительную бумагу об источнике происхождения – таков был его резон. Мы поблагодарили друг друга и расстались, довольные сделкой.

Так я оказался владельцем предмета, приобретенного на память о собственных успехах. На следующий день мы вновь увиделись на блошином рынке, и Манни опять поблагодарил меня за покупку накануне и выразил радость по поводу того, что кольцо досталось мне. Я ответил ему тем же. Мы простились до следующей встречи через неделю. Кто бы мог подумать, что содержание послания, заключенного в приобретенном памятном подарке самому себе, через несколько дней радикально изменится?

***

Неделю спустя Манни не пришел на блошинный рынок ни в семь тридцать, ни позже. У меня никогда не было телефона Манни, только электронный адрес, которым я воспользовался лишь пару раз. Часам к десяти я заподозрил неладное и подошел к коллегам Манни с просьбой позвонить ему и выяснить, не случилось ли что. Женщина, которая когда-то познакомила меня с Манни, – Вики, как я начну называть ее спустя неделю, – чуть помедлив, произнесла: «Он больше не придет». «Почему?» Глупее вопроса трудно было придумать. Но в мою внезапно онемевшую голову ничего умнее не приходило. Она повторила свою фразу, я – свой вопрос. Она пытливо посмотрела на меня, ничего не ответила и пошла прочь.

Смерть Манни поразила меня. Это был совершенно новый опыт столкновения со смертью, внезапной и обескураживающей, к которой невозможно подготовиться, от которой нельзя защититься. Я вдруг почувствовал, что потерял друга.

И о проекте можно было забыть. По этому поводу в тот день я даже слегка повздорил с Наташей, которая была уверена в возможности его продолжить и в наличии на блошином рынке людей, которые могут поддержать мое начинание. Я в это не верил. И как можно вообще планировать что-то, если неизвестно, не схватит ли тебя костлявая ближайшей ночью? На моем искреннем отчаянии был налет театральности, но это была форма защиты от горя.

Наташа с ее неистребимым жизнелюбием, несокрушимым здравым смыслом, огромной любовью к ближним и пугающе безошибочной интуицией оказалась права. Как выяснилось в считанные дни, нашлись люди, согласившиеся сотрудничать со мной из уважения к памяти о Манни. При их деятельном участии работа над проектом была начата. А старинное кольцо из места памяти о собственных достижениях нежданно-негаданно превратилось в вещь на память о Манни – человеке, который мог стать моим другом и соавтором.

***

Собственно говоря, и этот проект может рассматриваться как место памяти о Манни: обстоятельства его смерти и посмертные приключения его бренных останков добавили в мое исследова-

ние о блошином рынке новый смысл, потому что мертвым Манни никто из его близких не видел, никто из обширного круга его друзей и знакомых не знает, где его могила и вообще погребен ли он.

Вокруг смерти Манни много неясного. Известно, что в последние дни он жаловался на боли в области сердца и после настоятельных уговоров друзей записался на прием к врачу на среду, 7 марта. Многие видели его в воскресенье, 4 марта, на крупнейшем рынке антиквариата под Мюнхеном, проходящем в первое воскресенье каждого месяца. На следующий день с ним разговаривали по телефону. Во вторник он не отвечал на звонки и не появился на аукционе, который неукоснительно посещал по вторникам и четвергам. Никто не забил тревогу. В среду он не был на утреннем приеме у врача. И у него не работал автоответчик. В тот же день полиция нашла его мертвым в собственной квартире. По слухам, в официальном заключении зафиксирована его смерть во сне. В четверг автоответчик опять был включен, что вселило в его друзей, которые пока не знали страшной новости и безуспешно продолжали ему звонить, слабую надежду на то, что он жив, но не может воспользоваться телефоном, например, находясь в реанимации.

Шли дни, складываясь в недели и месяцы, но традиционного объявления в местных газетах о кончине и дне похорон Манни не появлялось. Как могло случиться, что человек с деньгами и связями, с жильем и пенсией в центре Европы в XXI в. бесследно пропал и нет возможности у его окружения что-нибудь узнать о причине его смерти, навестить его могилу? Как это вообще возможно, что европеец, связанный с христианской общиной тремя событиями – рождением, вступлением в брак и смертью, исчезает с поверхности земли без ведома и участия общины?

Манни был одинок. У него не было ни жены, ни детей. Единственная родственница – сестра-близнец – живет в Дании и не испытывает добрых чувств ни к Мюнхену, ни к брату. Она распорядилась по поводу места и формы его погребения. Мюнхенский служащий, выполнивший ее распоряжение, не имеет права раскрыть эту тайну и адресует к душеприказчице, которая, в свою очередь, не хочет разговаривать ни с кем из друзей Манни. По одним слухам, покойника увезли на север Германии, кремировали и захоронили анонимно. Этого Манни опасался и ни в коем случае не желал, о чем оставил дома письменное распоряжение. По другим – его труп до сих пор лежит в одном из криминологических институтов Германии на судебно-медицинской экспертизе.

Квартира Манни до сих пор опечатана, автоответчик работает. Значит – дело не закрыто. Друзья гадают: почему полиция была оповещена о его исчезновении не 6, а 7 февраля? И когда он все-таки умер? Все ли цело в его квартире, в которой он хранил деньги, драгоценности и предметы старины?

Оставим эти вопросы полиции. Вряд ли ответы на них когда-нибудь станут доступны его друзьям. Но ясно одно: если мое исследование в конце концов воплотится в книгу, то ее можно будет рассматривать как единственный памятник, который будет «воздвигнут» в память о Манни и который смогут «посетить» ценившие его коллеги и клиенты, любящие и берегущие память о нем друзья и собеседники.

***

О жизни Манни известно удивительно мало. Многие данные противоречат друг другу, но других, увы, нет.

Манфред Германн Вальтер (1942–2018) родился близ Касселя в семье банковского служащего и домохозяйки. Во второй половине 1950-х гг. семья переехала в Мюнхен. Здесь Манфред закончил школу и отслужил в армии. Он получил образование, которое в России называется средним специальным: выучился на продавца бытовой техники (по другим данным – спорттоваров), и работал в торговой сети «Каршгадт». Увлекался боевыми искусствами и получил навыки спасателя на водах. Затем успешно работал в строительном бизнесе (по слухам, получив в те годы высшее образование инженера-строителя), пока партнер не обманул и не разорил его. В возрасте пятидесяти лет Манфред вынужден был начинать с нуля.

Именно тогда он занялся торговлей антиквариатом, вложив в новое дело прежний опыт, прилежание, любознательность и готовность систематически учиться. Антикварный / блошинный рынок стал для него смыслом жизни, делом и хобби. Он не раз говорил, что, предложи ему сейчас за десять тысяч евро в месяц дежурить в самой дорогой фирме, он бы отказался, потому что умер бы от скуки. И еще он с удивлением констатировал, что всему в сфере антиквариата обучиться невозможно: век живи – век учись.

Манни был торговцем от бога, он легко и много зарабатывал, выигрывая на объемах и скорости оборота. При этом он был прекрасным психологом и знал, кому какую цену назначить. Даже клиент, заплативший значительно выше «болевого границы», уходил от него довольным, будучи уверенным, что Манни продал вещь себе в убыток. Но друзьям и постоянным клиентам (на блошином рынке это почти синонимы) он продавал с щедрыми скидками, которым, как казалось, и сам радовался. Наследников у него не было, скарденничать было не для кого.

Друзья считали Манни открытым, честным до щепетильности, всегда готовым прийти на помощь и, несмотря на изощренность в области торговли и психологии, порой ребячески наивным. У него было удивительное чувство юмора и золотое сердце. Он был очень одинок и очень любил и ценил общение. При обилии контактов он был закрыт, мало кто бывал у него дома. Он был очень привязан к родителям, особенно к матери, которую потерял, когда ему было далеко за шестьдесят.

При более детализированных характеристиках мнения о Манни расходятся. Одни помнят его добрым и чутким, другие – упрямым и жестким, скорым не только на резкое слово, но и на физическую расправу. Одни оценивают его как прекрасного эксперта в области антиквариата, другие убеждены, что знания его были поверхностны и недостаточны, а торговал он навязчиво, словно пылесосами, а не предметами старины. Одни утверждают, что он постоянно учился у более опытных коллег, другие – что многие его рассказы были плодом его воображения. По мнению одних, он был предельно честен и болезненно щепетил в отношениях с клиентами, другие полагают, что ему ничего не стоило обвести клиента вокруг пальца.

Первое, что возникает, когда слушаешь столь разные рассказы, – сомнение, что речь идет об одном и том же человеке, а не о дюжине разных. Второй появляется мысль: а что будут рассказывать о тебе через пару недель после смерти? Однако по здравому размышлению приходишь, наконец, к заключению, что все эти истории, с поправкой на разный опыт рассказчиков и различное восприятие объекта рассказов – от восхищения до легкой зависти, вполне совместимы и легко вписываются в картину жизни блошиного рынка. Если попробовать интерпретировать Манни как органичное для этого места явление, как его порождение, отражение и воплощение, то все (или почти все) в этой причудливой мозаике встает на свои места. Но для этого необходим импрессионистский набросок самого блошиного рынка.

***

«Блошинный рынок – это понятие, за которым скрывается целый маленький мир, завораживающий микрокосм с ни с чем не сравнимой уникальной атмосферой и совершенно особенным шармом: искусство, кич, старье, странные штуки – старое и новое, испорченное и целое, ценное и ничего не стоящее, большое и малое – просто все, что есть на свете, встречается здесь, причем без договоренности. Как на „свидании вслепую“, во время прогулки по блошиному рынку никогда не знаешь, что тебя ожидает, какую находку встретишь вдруг, какое давно вожаделенное сокровище принесешь домой. Потому что каждый блошинный рынок уникален – причем каждый раз» [Grigoleit, 2006, S. 6]. Блошинный рынок – это «хронотоп» (Михаил Бахтин), где встречаются место и время, это место встречи друг с другом анонимных людей и анонимных вещей, утративших своих владельцев.

Приведенное ранее описание блошиного рынка содержится в путеводителе по сотне самых известных блошиных рынков Европы начала XXI в.. Однако в Германии блошинные рынки в отличие от Франции, Англии или Голландии – явление относительно молодое. Они возникли в ФРГ лишь в конце 1960-х гг., когда сошлось много благоприятных факторов. Западногерманские социологи, заинтересовавшиеся этим феноменом еще в 1970-е – 1980-е гг., называют следующие причины неожиданного расцвета блошиных рынков в ФРГ. Сама идея была импортирована из других европейских стран благодаря развитию западногерманского туризма. Но, чтобы пересадить идею на чужую почву, понадобилась внутренняя конъюнктура. Ее обеспечили подвижки потребительского сознания западных немцев из-за перенасыщения рынка товарами в 1950-е – 1960 гг., в эпоху западногерманского «экономического чуда», а также благодаря последовавшему за ним замедлению хозяйственного роста, сменившегося экономическими кризисами. Они, в свою очередь, положили конец всеобщей эйфории от неудержимого прогресса. Свое дело сделало и студенческое движение 1968 г., восставшее помимо прочего против потребительской гонки старшего поколения. Рост двух групп населения – студентов и рабочих мигрантов, не готовых удовлетворять потребность в одежде и предметах быта на первичном рынке в связи со стесненностью средств, тоже внес

вклад в популяризацию подержанных дешевых товаров, накопившихся в домашних хозяйствах более состоятельной публики в годы экономического бума. Быстрый рост городов, автономизация сфер жилья, работы, потребления и транспорта сопровождалась сокращением коммуникационных возможностей из-за распространения индивидуального транспорта, огромных жилых, торговых и офисных центров. Дефицит общения заставил искать альтернативные формы досуга и коммуникации, что совпало со встречным желанием городских властей сделать центры городов более привлекательными. Организация пешеходных зон, городских праздников и блошиных рынков – разные ипостаси одного и того же явления.

В условиях нарастания стандартизации образа жизни ностальгия, стремление к индивидуальному, произведенному вручную, рост экологического сознания дополнили прежнее, сугубо рациональное потребительское поведение и пошло на пользу развитию в Западной Германии блошиных и антикварных рынков [Porat, 1984, S. 183–185].

Специфическим для развития блошиного рынка в ФРГ было отношение к недавнему прошлому, отягощенному преступлениями нацистского режима [Ассманн, 2014, 2016]. В первые десятилетия после войны на волне стремительного роста материального благосостояния среди населения преобладало желание избавиться от старомодных предметов быта, переживших нацистскую эпоху и Вторую мировую войну. Однако уже в 1960-е – 1970-е гг. стала набирать обороты тенденция бережного отношения к материальному миру былых эпох. В то время как одни по инерции освобождали подвалы и чердаки от ненужных вещей и выносили их на улицу в урочный день для утилизации «крупного мусора» (дважды в год), новоиспеченные собиратели и любители старины уже поджидали их на улице, чтобы спасти от уничтожения предметы интерьера XIX – первой половины XX в. [Bangert, 1976, S. 7 – 8].

Результаты бума популярности блошиных рынков впечатляют. В начале XXI в. в Германии насчитывалось уже от 10 до 12 млн их любителей и завсегдатаев [Münz, 2008, S. 73]. Причины взрывоподобного развития блошиных рынков приоткрывают их социальные функции и мотивы их посещения.

***

Блошинный рынок привлекает далеко не всех, вызывая у многих скорее чувство отчуждения с оттенком брезгливости из-за встречи с вещами, бывшими в употреблении. Его посещают те, кто вынужден пользоваться предельно дешевыми предметами быта и обихода, – студенты, пенсионеры, мигранты. По неписаным правилам цены на товары здесь составляют не выше трети от магазинных, за исключением раритетов, предметов старины и объектов коллекционирования, цены на которые складываются по особым правилам. К услугам блошиного рынка прибегают и по ситуативной надобности, когда во временном жилье, снятом в связи с краткосрочной сменой места работы и жительства, отсутствует посуда или кухонная утварь, с которой потом не жаль расстаться.

Блошинный рынок может быть местом работы: профессиональные антиквары совершают тут покупки по умеренной цене предметов коллекционирования и старины для последующей перепродажи. Сюда приезжают специалисты по «ликвидации домашних хозяйств», чтобы с машины быстро сбить вещи из дома или квартиры, обитатели которых умерли, а их наследники спешно освобождаются от «старья», чтобы выставить жилье в аренду или на продажу. Здесь удовлетворяют свою страсть коллекционеры, приобретая экспонаты для профильной коллекции и в фонд обмена с другими собирателями.

Блошинный рынок может быть возбудителем азарта: это место скопления большого количества старинных, странных, красивых и редких предметов в случайной комбинации действует как своего рода наркотик, возбуждая фантазию, будоража чувства и заставляя быстрее биться сердце. Никогда не знаешь, что найдешь на блошином рынке, а что навсегда упустишь.

Блошинный рынок – место проведения досуга и альтернативной коммуникации. Здесь люди легко вступают в общение, сразу переходят на «ты», обращаются по имени, свободно торгуются, рискованно шутят. Здесь спасаются от одиночества старики.

Но эти отношения не распространяются за границы рынка. В толпе продавцов и покупателей рядом оказываются студенты и профессора, коллекционеры с туго набитыми кошельками и пенсионеры, собирающие мизерную сумму для похода за продуктами в дешевый сетевой магазин; молодые люди, дающие деньги на очередной отпуск, и пожилые антиквары, закрывающие дела и распродающие складские остатки.

Из сказанного становится очевидным, что люди приходят сюда с совершенно разными намерениями. И, конечно же, приведенное перечисление основных типов посетителей блошиного рынка весьма условно. Чаще действует ансамбль нескольких мотивов, которые приводят туда человека.

Из бесед со многими торговцами и постоянными клиентами блошиного рынка у меня сложилось устойчивое ощущение, что приход на него как на место работы, страсти, хобби и отдыха зачастую был связан с резким переломом в биографии. Это могли быть острые финансовые проблемы, как случилось с Манни в пятидесятилетнем возрасте, или потеря работы, или проблемы со здоровьем, или эмиграция. Включение в жизнь блошиного рынка было, как правило, началом новой жизни. При этом блошинный рынок мог быть местом знакомым, куда человек ходил еще ребенком с отцом-антикваром или коллекционером, а мог стать делом случая.

Как бы то ни было, блошинный рынок – место особенное. Нигде не встретишь столь неструктурированную толпу, такое общество без социальных границ, такую анонимную массу. Вместе с тем нигде не было с людьми так легко, нигде не узнаешь, если наберешься терпения и сосредоточишь внимание, об обществе так много – о богатстве и бедности, о связях и конфликтах между поколениями, о предрассудках и страхах, о коммуникации и одиночестве.

***

«Путешествие по блошиному рынку – это точно такое же романтическое приключение, как плавание к острову сокровищ (но, к счастью, не такое опасное)» [Kirshenbaum, 2003, S. 49]. С мнением Бинни Киршенбаум можно согласиться лишь отчасти. Риски, поджидающие и завсегдатая, и разового посетителя блошиного рынка, весьма серьезны. Это место – серая зона, где балансирование на грани закона подобно чудесам цирковой акробатики. Здесь сплошь и рядом нарушаются писанные и неписанные правила: здесь, вопреки запретам, можно встретить товары из слоновой кости или из золота, а также из серебра стоимостью свыше разрешенной границы в сорок евро. Здесь торгуют, зачастую не имея на то официального разрешения, а также документов об источнике приобретения того или иного изделия. Здесь велико искушение и многочисленны лазейки для сокрытия налогов. Здесь орудуют профессионалы, обчищающие карманы посетителей и прилавки торговцев.

На блошином рынке вам могут всучить испорченную вещь и утверждать, что она исправна. Вам могут продать подделку. Большинство продавцов, за исключением профильных антикваров, которые там встречаются нечасто, не в состоянии дать точную информацию о своих товарах, которые, как правило, пару часов или пару дней назад были приобретены на аукционе, на другом или этом же рынке либо у частного клиента. Поэтому их истории зачастую вымышленны. Правда, это создает преимущества для знающего покупателя, который может перехитрить торговца, пытающегося провести клиента. Исход торга и решение вопроса «кто кого?» никогда заранее не предрешены.

Здесь господствует особая атмосфера, в которой присутствуют нотки напряженности и азарта, как на поле боя: «Пехота многоголова, прожорлива и довольно бесцеремонна. Она питается запасами товаров простаков и мародерствует в ранний час на любом относительно крупном блошином рынке. Слуги и поденщики всевозможных господ со всех стран света ждут возможности быстро умножить свою наличность. Вы уже догадываетесь: здесь нужно уметь постоять за себя» [Münz, 2008, S. 66].

Чтобы не потеряться и не проиграть на этом «поле боя», посетителю нужно соблюдать определенные правила. Например, не демонстрировать особый интерес к тому или иному предмету и желание приобрести его любой ценой. Уметь торговаться, зная, что торговец, как правило, назначает цену, которую готов снизить на двадцать – тридцать процентов. Знать, что купленный товар примут обратно только в том случае, если вы можете доказать, что вас обманули (например, заручиться заверением продавца, что проданные часы исправны; если тот колеблется или уклоняется от точного ответа – не рискуйте). Дурным тоном считается предлагать продавцу цену, в разы ниже названной им. Нельзя перебивать цену на товар, являющийся в настоящий момент предметом торга с другим покупателем. Не рекомендуется предлагать свою цену, не спросив сперва торговца о сумме, которую он хотел бы получить.

Манни, как мне представляется, вполне вписывался в этос блошиного рынка. Манни мог постоять за себя и часто, как подросток, похвалялся здоровьем и физической силой, рассказывая о том, что может скрутить вора, пойманного с поличным.

Он не был узким специалистом. Продавая в пятницу или субботу купленное во вторник и четверг на аукционе, он имел мало времени, чтобы разыскать надежную информацию в дополнение к полученной при аукционной покупке. Не исключено, что он компенсировал дефицит информации из собственного опыта и опирающейся на него фантазии.

Будучи одиноким, он, вероятно, жил от одной недели к другой, от одного рынка до следующего, радуясь состоявшимся находкам и грядущим продажам и покупкам, общению и возможности в очередной раз оказаться в центре внимания и в гуще событий. Время между рынками заполнялось аукционными покупками, встречами с частными клиентами и коллегами, желающими продать что-то из своих запасов, поисками информации в интернете и созданием историй, в которые Манни, скорее всего, и сам начинал верить. Он создавал свой собственный мир, в котором жил и чувствовал себя защищенным от внешних угроз и холода одинокого существования.

***

Но блошинный рынок – это не только причудливая смесь людей, как правило, никогда не сталкивающихся друг с другом в «нормальной» жизни. Это еще и неповторимая мозаика предметов. «Блошинный рынок прямо-таки кишел историями, – вспоминает о своем первом столкновении с ним Б. Киршенбаум, – в каждом предмете, выставленном на продажу, скрывались тайна и история, ждавшая своего часа» [Kirshenbaum, 2003, S. 15]. Именно тайны мертвых, сокрытые в выставленных на блошином рынке предметах, притягивают и отпугивают. Блошинный рынок мало кого оставляет равнодушным, стоит лишь чуть присмотреться к нему.

Я хотел бы создать книгу об альтернативном обращении с прошлым через вещи, об обычных людях – носителях специфических представлений об истории и инициаторах своеобразных форм поддержания памяти о былом, вовсе не обязательно совпадающей с прописными школьными или политическими истинами. Мне хотелось бы сложить калейдоскоп хронотопов – предметов, в которых соединяется место и время. Причем предметы эти, как правило, не относятся к разряду музейных экспонатов или художественных уникалов, а представляют собой артефакты ушедшей или уходящей повседневности [Schlögel, 2017]. При таком подходе блошинный рынок оказывается местом, которое не только дает вещам шанс на вторую жизнь, создает вторичную материальность, но и задает иную перспективу в изучении общества и его представлений о собственном прошлом.

Рассказы об анонимных вещах, скрывающих истории жизни людей – их создателей и владельцев, торговцев и покупателей, мне хотелось бы сделать формой репрезентации хода и результатов исследования, которое только-только начинается. Собственного говоря, рассказ о старинном кольце, приобретенном мною у Манни, есть пример такой подачи материала.

Но истории могут быть по-разному связаны с вещами. Они могут быть заложены в самих вещах – например, в связке пожелтевших писем, в старом фотоальбоме или во французской медали, переделанной в 1793 г. из королевской в республиканскую. Предметы могут стать поводом для написания транснациональной истории широких исторических контекстов, скажем, на примере встречающихся на блошиных и антикварных рынках предметов венской бронзы XIX в., трансформированных в советское время в образцы для каслинского литья. Так, известная бронзовая фигура дразнящегося черта, выпускавшаяся на фабрике Франца Бермана, в советском варианте утратила гениталии, и было бы интересно реконструировать историю этого превращения с точки зрения гендерной и культурной истории советской эстетики и морали.

Наконец, предметы с блошиного рынка могут стать катализатором и поводом для собственных воспоминаний: «Марселю Прусту понадобился вкус печенья „мадлен“, чтобы пробудить воспоминания, что стало благом для литературы, потому что на блошинный рынок вещей, покрытых пылью, астматик вроде Пруста пойти не мог. Но если бы смог, то объем романа „В поисках утраченного времени“, вероятно, значительно превзошел бы семь томов. Потому что блошинный рынок, на котором сталкиваешься с тысячами предметов из непосредственного, прошлого, вызывает буквально каскады воспоминаний» [Kirshenbaum, 2003, S. 74]. Для меня это приобретение – предмет, наполненный многими смыслами. Помимо прочего он символизирует выполнимость детской мечты и вселяет веру в конечное торжество справедливости. И он учит скромности и упорству: нам неведомо, куда приведут нас наши шаги. Но это не значит, что шагать не нужно, даже если всегда найдутся те, кто захочет нашими благими целями злоупотребить.

***

Неизвестно, состоится ли это исследование, будет ли оно завершено и будет ли это завершение успешным. Но мне хотелось бы при любом исходе, чтобы замысел помимо прочего и, наверное, прежде всего позволил увековечить память о Манни – человеке, который мог стать моим другом и соавтором.

Типичный "прилавок" одного из мюнхенских блошиных рынков. Фотограф: Джордж Маркович

Маннфред Германн Вальтер (1942–2018)

Библиографический список

- Ассман А.* Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Нов. лит. обозрение, 2014. 272 с.
- Ассманн А.* Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Нов. лит. обозрение, 2016. 232 с.
- Лоуэнталь Д.* Прошлое – чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004. 624 с.
- Нарский И.* Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогали, и что из этого вышло: Культурная история советской танцевальной самодеятельности. М.: Нов. лит. обозрение, 2018. 752 с.
- Bangert A.* (Hg.) Antiquitäten. Flohmarkt. München: Wilhelm Heine Verlag, 1976. 96 S.
- Grigoleit H. Th.* Die 100 schönsten Flohmärkte Europasmit Reiseführer. Regensburg: H. Gietl Verlag, 2006. 170 S.
- Invention of Tradition / E. Hobsbawm, T. Ranger (eds.).* Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.
- Kirshenbaum B.* Flomärkte: Kleine Philosophie der Passion. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2003. 108 S.
- Münz S.* Das schlaue Buch vom Flohmarkt: Was der Profi alles weiß. München: Knesebeck, 2008. 96 S.
- Narskij I.* Fotografie und Erinnerung: Eine sowjetische Kindheit. Köln u.a.: Böhlau, 2013. 622 S.
- Narskij I.* (Hg.) Hochkultur für das Volk? Literatur, Kunst und Musik in der Sowjetunion aus kulturgeschichtlicher Perspektive, Berlin; Boston: Gruyter Oldenbourg, 2018. 312 S.
- Narskij I.* Vivere nella catastrofe: La vita quotidiana nella regione degli Urali 1917–1922. Roma: Viella, 2018a. 424 p.
- Pomian K.* Der Ursprung des Museums. Vom Sammeln. Berlin: Wagenbach, 1993. 112 S.
- Porath Ya.* u.a. Ein Flohmarkt für Kassel // *Urbs et Regio.* 1984. 32. S. 177 – 208.
- Sellin V.* Einführung in die Geschichtswissenschaft. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1995. 223 S.
- Schlögel K.* Das sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergangenen Welt. München: C.H. Beck, 2017. 912 S.

Дата поступления рукописи в редакцию 18.10.2018

ANONYMOUS LIFE, ANONYMOUS DEATH, ANONYMOUS THINGS: ABOUT FLEA MARKET AND SECONDARY MATERIALITY

I. V. Narskiy

South Ural State University, Lenin ave., 76, 454080, Chelyabinsk, Russia
inarskiy@mail.ru

The article is a sketch of a future research project. It is dedicated to European (especially German) flea markets. It outlines the history and the reasons for their appearance in Germany. It is also about different material, social and cultural functions of flea markets. This explains what brings here an exceptionally motley public: old men and young people, men and women, professors and students, collectors and amateurs, antique dealers and junkmen, rich and poor, indigenous people and migrants. The text also explains why flea markets fascinate some and scare others away. The specific rules of communication and behavior at the flea market are briefly described. Flea markets are considered in the article as an object of ethnological research, with the help of which one can look at society from an unexpected perspective and learn a lot about it - about wealth and poverty, relationships and conflicts between generations, prejudices and fears, communication and loneliness. The specificity of the article and the research project described in it is that the author uses the method of included observation. He uses his own experience of familiarity with the flea market and personal communication with its inhabitants - sellers and buyers. In this case, the flea market supplies material for an attempt to understand the circumstances of life and the unexpected death of one of the regulars of the flea market, with whom the author has good relations. This motive turns a scientific article into an almost detective story, the reading of which is captivating, although the detective story remains without a denouement.

Key words: flea market, relic, place of memory, chronotope, handling of the past.

References

- Assmann, A. (2014), *Dlinnaya ten' proshlogo: memorialnaya kultura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: memorial culture and historical politics], Novoye literaturnoe obozreniye, Moscow, Russia, 272 p.
- Assmann, A. (2016), *Novoye nedovolstvo memorialnoy kulturoy* [New discontent with memorial culture], Novoye literaturnoe obozreniye, Moscow, Russia, 232 p.
- Bangert, A. (Hg.) (1976), *Antiquitäten. Flohmarkt*, Wilhelm Heine Verlag, München, Deutschland, 96 s.
- Grigoleit, H. Th. (2006), *Die 100 schönsten Flohmärkte Europas mit Reiseführer*, H. Gietl Verlag, Regensburg, Deutschland, 170 s.
- Hobsbawm, E. & T.Ranger (eds.) (1983), *Invention of Tradition*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 320 pp.
- Kirshenbaum, B. (2003), *Flomärkte: Kleine Philosophie der Passion*, Deutscher Taschenbuch Verlag, München, Deutschland, 108 s.
- Lowenthal, D. (2004), *Proshloye – chuzhaya strana* [The Past is a Foreign Country], Vladimir Dal, St. Petersburg, Russia, 624 p.
- Münz, S. (2008), *Das schlaue Buch vom Flohmarkt: Was der Profi alles weiß*, Knesebeck, München, Deutschland, 96 s.
- Narskiy, I. (2013), *Fotografie und Erinnerung: Eine sowjetische Kindheit*, Böhlau, Köln u.a., Deutschland, 622 s.
- Narskiy, I. (2018), *Vivere nella catastrofe: La vita quotidiana nella regione degli Urali 1917-1922*, Viella, Roma, Italia, 424 pp.
- Narskiy, I. (Hg.) (2018), *Hochkultur für das Volk? Literatur, Kunst und Musik in der Sowjetunion aus kulturgeschichtlicher Perspektive*, Gruyter Oldenbourg, Berlin / Boston, Deutschland / USA, 312 s.
- Narskiy, I. (2018), *Kak partiya narod tantsevat' uchila, kak baletmeystery ey pomogali, i chto iz etogo vysho: Kulturnaya istoriya sovetskoy tantsevalnoy samodelyatelnosti* [As the party taught the people to dance, how choreographers helped her, and what came of it: The cultural history of Soviet amateur dance], Novoye literaturnoe obozreniye, Moscow, Russia, 752 p.
- Pomian, K. (1993), *Der Ursprung des Museums. Vom Sammeln*, Wagenbach, Berlin, Deutschland, 112 s.
- Porath, Ya.u.a. (1984), "Ein Flohmarkt für Kassel", *Urbs et Regio*, № 32, s. 177 – 208.
- Schlögel, K. (2017), *Das sowjetische Jahrhundert: Archäologie einer untergangenen Welt*, C.H. Beck, München, Deutschland, 912 s.
- Sellin, V. (1995), *Einführung in die Geschichtswissenschaft*, Vandenhoeck und Ruprecht, Göttingen, Deutschland, 223 s.